

DOI: 10.31857/S013038640014288-4

© 2021 г. П.В. СТЕГНИЙ

«Я БУДУ ЦАРСТВОВАТЬ ИЛИ ПОГИБНУ».

Новые материалы Государственного архива РФ о переписке великой княгини Екатерины Алексеевны с английским послом Чарльзом Хенбери-Уильямсом в 1756–1757 годах

Стегний Петр Владимирович — доктор исторических наук, Чрезвычайный и Полномочный посол (Москва, Россия).

E-mail: pstegny@inbox.ru

Researcher ID: AAC-8102-2021

Аннотация. В статье рассматривается малоизученный эпизод царствования императрицы Елизаветы Петровны, связанный с тайной перепиской Екатерины II, тогда еще великой княгини, с английским послом в Петербурге Чарльзом Хенбери-Уильямсом (1756–1757 гг.). Переписка, опубликованная в России и Великобритании, представляет собой уникальный по объему и значимости источник. Она дает возможность представить потаенную сторону дипломатии, связанную с процессом масштабных геополитических сдвигов накануне и во время «дипломатической революции» 1756 г. и Семилетней войны. Переписка с английским послом раскрывает властные амбиции Екатерины во время августовского и октябрьского кризисов хронической болезни императрицы, политическую подоплеку ее связи со С.А. Понятовским. Предметом исследования является новый источник, выявленный в Государственном архиве РФ, — «Записка о сзре Хенбери Уильямсе, его отношениях с Екатериной II и политике его времени». Этот документ был подготовлен в начале 1860-х годов Д.Н. Блудовым для Александра II, а затем хранился в личной библиотеке русских императоров. «Записка» Д.Н. Блудова состоит из пяти глав. Первые две посвящены биографии Уильямса и начальному периоду его работы в Петербурге (1755–1756 гг.). Третья и четвертая — собственно переписке посла с великой княгиней Екатериной Алексеевной, т.е. с отъезда Понятовского из России до его возвращения в Петербург в качестве чрезвычайного польско-саксонского посланника. В пятой главе рассматриваются события до отъезда Уильямса из России (октябрь 1757 г.). Материал статьи сгруппирован по трем смысловым блокам, характеризующим основные направления дипломатической деятельности Уильямса в Петербурге, его участие в интригах группировок при елизаветинском дворе и роль в истории с Понятовским. Приводятся также уточненные сведения о личности Уильямса, его деятельности до приезда в Петербург, обстоятельствах отъезда из России, а также характеристика итогов его миссии¹.

Ключевые слова: Чарльз Хенбери-Уильямс, великая княгиня Екатерина Алексеевна, А.П. Бестужев, «дипломатическая революция» 1756 г., Семилетняя война.

P.V. Stegny

“I Shall Either Perish or Reign”. New Materials from The State Archive of Russian Federation on the Correspondence Between Grand Duchess Catherine and the British Ambassador Charles Hanbury Williams in 1756–1757

¹ Основные тезисы статьи изложены в выступлении автора на «круглом столе», посвященном 100-летию Государственного архива РФ, 15 сентября 2020 г.

Piotr Stegny, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (Moscow, Russia).

E-mail: pstegny@inbox.ru

Researcher ID: AAC-8102-2021

Abstract. The article deals with a little-studied episode of the reign of Empress Elizaveta Petrovna, related to the secret correspondence of Catherine II, then still a Grand Duchess, with the British Ambassador in St. Petersburg Charles Hanbury Williams (1756–1757). The correspondence published in Russia (1909) and the United Kingdom (1928) is a unique source in terms of volume and significance. It provides an opportunity to show the hidden side of diplomacy in the times of large-scale geopolitical shifts on the eve of and during the Diplomatic Revolution of 1756 and the Seven Years' War. Moreover, the correspondence with the British Ambassador reveals Catherine's power ambitions during the August and October crises of the Empress's chronic illness, the political background of her relationship with S.A. Ponyatovsky. The subject of the research is a new source found in the State Archive of the Russian Federation – “A Note on Sir Hanbury Williams, His Relationship with Catherine II, and the Politics of His Time”. The “Note” consists of five chapters. The material of the article is grouped into three blocks characterizing the main directions of Sir Williams' diplomatic activity in St. Petersburg, his participation in the intrigues at the court of Elizaveta Petrovna, and his role in the romantic affair between the Grand Duchess and Stanisław Ponyatovsky. The article also provides updated information about Williams' personality, his activities before his arrival to St. Petersburg, the circumstances of his departure from Russia, as well as analysis of the results of his mission.

Keywords: Sir Charles Hanbury Williams, Grand Duchess Catherine Alekseevna, Alexey Bestuzhev, Diplomatic Revolution of 1756, Seven Years' War.

Тайная переписка будущей императрицы Екатерины II с английским послом в Петербурге Чарльзом Хенбери-Уильямсом, опубликованная директором Главного Петербургского архива МИД России С.М. Горьяиновым в 1909 г., продолжает привлекать внимание историков в России и за рубежом². После первой волны публикаций³, завершившейся английским изданием переписки⁴, в последние годы отмечается новая вспышка интереса к этой теме⁵. Причем ряд публикаций, отечественных и зарубежных, существенно расширяют характер и методику исследований⁶.

История «дипломатической революции» 1756 г. хорошо документирована, в том числе опубликованными донесениями дипломатов из различных европейских столиц. Но даже на этом фоне переписка Екатерины с Уильямсом, насчитывающая 157 писем (70 от Екатерины и 87 от Уильямса) за период с 31 июля 1756 г. по июнь 1757 г., занимает

² Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны с английским послом Чарльзом Хенбери-Уильямсом / Под ред. С.М. Горьяинова. СПб., 1909.

³ Бильбасов В.А. Первые политические письма Екатерины II. СПб., 1887; Горьяинов С.М. Станислав-Август Понятовский и Екатерина II // Вестник Европы. 1908. Кн. 1–3; Архангельский Д. Переписка Великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Хенбюри Уильямса как исторический памятник // Русская старина. Кн. XI. 1910. С. 333–348; Чечулин Н.Д. Царствование Екатерины II // Государи дома Романовых. Т. 2. М., 1913; Horn D.C. Sir Charles Hanbury Williams and European diplomacy (1748–58). London, 1930.

⁴ Correspondence of Catherine the Great when Grand-Duchess, with Sir Hanbury-Williams and Letters from Count Poniatowski. London, 1928.

⁵ Butterwick-Pawikowsky R. Poland's Last King and English Culture: Stanislaw August Poniatowski, 1732–1798. London, 1998; Крючкова М.А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009; Черкасов П.П. Елизавета Петровна и Людовик XV: русско-французские отношения. 1741–1762. М., 2010; Елисеєва О.И. Молодая Екатерина. М., 2010; Акимов Т.И. Проблемы просвещенного правления в письмах Великой княгини Екатерины Алексеевны к английскому послу Ч. Уильямсу // Cultural Studies. Letters in Literature and Culture, V. Daugavpils, 2013. P. 37–44; Лабутина Т.Л. Британский посол Чарльз Уильямс и его секретная переписка с Великой княгиней Екатериной Алексеевной // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 161–174; Ее же. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. М., 2019.

особое место⁷. Ценность, даже уникальность переписки заключается в том, что она позволяет увидеть ту потаенную сторону дипломатии и — шире — процесса подготовки масштабных геополитических решений, которая обычно оседает в закромах частных, реже — государственных архивов. Переписку Екатерины с Уильямсом можно смело поставить в один ряд с комплексом документов Секрета короля, опубликованных после Французской революции⁸.

И тем не менее этот источник вряд ли можно считать хорошо изученным. Это связано, как представляется, с объективными трудностями восприятия широкого круга вопросов, затрагиваемых в переписке, в отрыве от контекста внутривосточной борьбы конца елизаветинского царствования и, главное, судьбоносных для Екатерины событий кануна Семилетней войны. С учетом этого, как сообщает С.М. Горяинов, Александр II поручил государственному секретарю Д.Н. Блудову подготовить Историческую записку о переписке великой княгини с английским послом в связи с событиями царствования Елизаветы Петровны. Блудов провел основную археографическую работу, установил хронологическую последовательность писем, многие из которых были не датированы. После его смерти (19 февраля 1864 г.) «Записка» была завершена его преемником на посту государственного секретаря В.Н. Паниным и сотрудником II Отделения Собственной его величества канцелярии тайным советником Е.И. Бреверном. В мае 1864 г. переписка была передана вице-канцлером А.М. Горчаковым в Госархив (но поскольку к этому времени с ней уже поработал Блудов, не исключено, что в России она появилась ранее, возможно, в связи с широко отмеченным в 1862 г. столетним юбилеем воцарения Екатерины II).

«Записка» расширяет наши знания о проблеме провенанса переписки. Из приложенного к ней сопроводительного письма В.Н. Панина на имя Николая II следует, что она была получена от Джорджа Генри Роуза, бывшего посланника Великобритании в Баварии, Пруссии и США. Но поскольку сам Роуз умер в 1855 г., можно предположить, что ее передал его сын (возможно, по завещанию), полный тезка отца. Биографы Уильямса установили, что после его смерти переписка с Екатериной какое-то время хранилась в семье его младшей дочери Шарлотты, бывшей замужем за капитаном Робертом Бойль-Уолсингемом.

Записка Блудова представляет собой обширный труд (598 листов с оборотами) под названием «Записка о сзре Хенбери Уильямсе, его отношениях с Екатериной II и событиях его времени». Она была выявлена в Государственном архиве РФ (фонд Рукописные материалы библиотеки Зимнего дворца) еще в 2002 г.⁹, но, к сожалению, все еще не введена в научный оборот¹⁰. «Записка» написана на французском и предназначалась для личного сведения императора, ею интересовались и долго держали у себя Александр II и Александр III. Собственно они, а затем и Николай II знакомились с перепиской Екатерины с Уильямсом по «Записке», а не по трудночитаемым оригиналам писем.

⁶ З.С. Константинова выявила и опубликовала ранее неизвестную работу Уильямса об эпохе Петра I: Константинова З.С. Ч.Г. Уильямс и Россия // Новый век. 2005. № 4. С. 12–25. Также см.: Butterwick-Pawlikowski R. “In the Greatest Wildness of My Youth”: Sir Charles Hanbury Williams and Mid-Eighteenth-Century Libertinism // Journal for Eighteenth Century Studies. Vol. 41(1). 2017. P. 3–23; Тоеева А.В. Чарльз Хенбери Уильямс — воспитатель английского вкуса русской императрицы // Английский вкус императрицы. Царское Село Екатерины Великой. СПб., 2019. С. 19–31.

⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 5. Оп. 1. Д. 79. Ч. 1, 2.

⁸ Boutaric E. Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier, etc. Paris, 1866; Broglie A. de. Le Secret de Roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatique, 1752–1774. Vol. 1. Paris, 1878.

⁹ Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002. С. 12, 81–83.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Рукописные материалы библиотеки Зимнего дворца. Оп. 1. Д. 137. Notice sur sir Hanbury Williams, ses relations avec Catherine II et les affaires de son temps (далее — «Записка»).

Николай II дал разрешение на публикацию переписки (но не «Записки») после революции 1905 г. Он, кстати, затрагивал вопросы, связанные с перепиской, в беседах с потомком Уильямса Джоном Хенбери-Уильямсом, главой английской военной миссии в России во время Первой мировой войны¹¹.

«Записка» состоит из пяти глав. Две первые посвящены биографии Уильямса и начальному периоду его работы в Петербурге (июль 1755 г. — июль 1756 г.). Третья и четвертая — собственно переписке посла с великой княгиней Екатериной Алексеевной (31 июля 1756 г. — июль 1757 г.), т.е. с отъезда С.А. Понятовского из России до его возвращения в Петербург в качестве чрезвычайного польско-саксонского посланника. В пятой главе рассматриваются события до отъезда Уильямса из России (октябрь 1757 г.). Факты и оценки, излагаемые участниками переписки, комментируются, а в необходимых случаях перепроверяются на основании документов, опубликованных немецкими и французскими историками XIX в. Ф. Раумером, Э. Херманном, Г. де Раксиде Флассаном. В конце «Записки» приводится ряд выдержек из дипломатических документов из архивов Дрездена, Берлина, Лондона и Парижа¹².

Характер настоящей статьи не предполагает подробного изложения документа. Свою задачу автор видит в том, чтобы привлечь внимание к этому важному источнику. Исходя из этого, основное внимание в статье уделено третьей и четвертой главам «Записки», посвященным непосредственно переписке великой княгини с английским послом. Материал, преимущественно новый, сгруппирован по трем смысловым блокам, характеризующим основные направления деятельности Уильямса в Петербурге, его участие во внутриполитической борьбе и роль в истории с Понятовским. Приводятся также, следуя логике «Записки», уточненные сведения о личности Уильямса, его работе до приезда в Петербург, обстоятельствах отъезда из России, а также характеристика итогов его миссии.

ЧАРЛЬЗ ХЕНБЕРИ-УИЛЬЯМС ДО ПРИЕЗДА В ПЕТЕРБУРГ

Ко времени появления сэра Чарльза в русской столице ему было 46 лет, характер и привычки его уже вполне сформировались. Выходец из родовитой семьи, он был младшим сыном майора Джона Хенбери из Понтипула, одного из директоров Компании южных морей и владельца металлургических заводов в графстве Монмутшир. Немалое состояние вместе со второй частью фамилии — Уильямс — унаследовал от друга отца, умершего бездетным (любопытный штрих: приемный отец Чарльза разбогател в России, куда был вынужден бежать, после того как убил своего противника на дуэли). Образование получил в Итоне, где мальчики семьи Хенбери учились последние четыре века. В колледже его товарищами были Генри Филдинг, Уильям Питт-старший, Гораций Уолпол, Генри Фокс и его брат Стивен, будущий лорд Илчестер. Итонцы не теряли связи друг с другом и после окончания колледжа.

В молодости сэр Чарльз, как и многие английские аристократы его круга, вел жизнь великосветского повесы. Он вырос в атмосфере утонченного разврата закрытых клубов с их раблезианской атмосферой и культом Приапа и Венеры — и литературными занятиями (склонность к ним проявилась у него еще в колледже). Стал одним из первых членов Общества дилетантов, культивировавшего любовь к античности. После смерти отца в 1733 г. унаследовал его место в парламенте. В 1732 г. женился на леди Френсис Коннингсби, дочери графа Томаса Коннингсби. В браке родились две дочери. Старшая, Френсис, вышла замуж за графа Эссекса (Екатерина в переписке Уильямса с Понятовским будет проходить под псевдонимом леди Эссекс), младшая, Шарлотта, — за моряка, ирландца Роберта Бойль-Уолсингема. Но в целом брак его оказался несчастливим,

¹¹ *Hanbury-Williams J.* The Emperor Nicholas II, as I Knew Him. London, 1922. P. 2, 22.

¹² *Flassan de Raxis G. de.* Histoire de la diplomatie française. Vol. 1—6. Paris, 1809; *Raumer F. von.* Friedrich II und seine Zeit (1740—69). Leipzig, 1836; *Hermann E.* Geschichte des Russischen Staats, Hamburg, 1853.

с конца 1740-х годов супруги жили раздельно. В Петербурге Уильямс был один, переписывался только с дочерьми. Писем от жены нет.

В Палате представителей Уильямс был центром кружка, многие члены которого — лорд Джон Херви, Томас Виннингтон, Джон Сальвин — вышли на первые роли в британской политике. Особо близкие отношения сложились у него с Генри Фоксом, оставившим заметный след в истории английского парламентаризма. Оба они начинали свою карьеру в партии тори, но позже примкнули к вигам. Уильямс приобрел себе имя едкими политическими памфлетами, в которых критиковал противников премьер-министра Роберта Уолпола. По протекции Виннингтона, занявшего крупный пост в Адмиралтействе, он был назначен в 1739 г. казначеем морского ведомства. Сохранил свой пост и после того как Р. Уолпол был вынужден уйти в отставку в 1742 г.

Путь наверх Уильямс прокладывал благодаря своим связям и поэтическим талантам. Он не был крупным поэтом, но несколько его од и стихотворений, написанных на злобу дня, принесли ему известность в лондонском свете, похвалы Г. Фокса и Г. Уолпола, признанного авторитета в английской словесности, а позже и Вольтера. Стихи Уильямса переписывались и циркулировали в списках в аристократических салонах (писал он, выражаясь современным языком, в либертарианском духе, и сборник его стихов, изданный после смерти в Лондоне, вызвал раздражение консервативной публики). Гораций Уолпол говорил: «Его сатирический талант вызывал опасения у людей ограниченных, и мало кто прощал ему его тщеславие»¹³.

Сатира — дело небезопасное, особенно когда она затрагивает сильных мира сего. Уильямс имел неловкость написать сатирическую оду по случаю свадьбы ирландского аристократа лорда Боле с герцогиней Манчестерской. Соотечественники новобрачного были предостережены в ней в весьма невыгодном свете¹⁴. Последовал оглушительный скандал, впрочем, предсказуемый. Ходили слухи, что горячие ирландцы готовились вызвать Уильямса на дуэль, и друзья убедили его на какое-то время уехать из Лондона, скрывшись в своем имении Колдбрук-Парк.

В 1746 г. Уильямс счел за лучшее подать в отставку и обратился к королю с просьбой направить его за границу. Георг II благоволил к нему, как говорили, из-за оды, написанной Уильямсом в честь его сына, герцога Камберлендского. Уильямс подумывал о дипломатической синекуре в Турине, но административного ресурса его друга Фокса в тот момент оказалось недостаточно, и в 1747 г. он был отправлен в Дрезден, став перед тем благодаря стараниям друзей кавалером ордена Бани.

Закljučая краткий обзор жизни Уильямса, авторы «Записки» пишут: «Таким образом этот поэт и прожигатель жизни сделался дипломатом, и дипломатом ловким, обладающим большими способностями к делам. Очень скоро он доказал, что автор сатирических стихов и од владел пером так же хорошо и даже лучше, когда дело заходило о написании депеш... Он умел доложить о своих политических шагах широкими мазками, не теряя внимания читателя». Этот «блестящий говорун, обладавший утонченными манерами и искрометным юмором, легко углублял характеры самые различные, превосходно умел извлекать выгоды из маленьких слабостей своих партнеров и устанавливать отношения с теми, кто обладал влиянием на крупных игроков на политической арене»¹⁵.

¹³ «Записка». Л. 5.

¹⁴ В оде Уильямса, в частности, говорилось:

“Nature, indeed, denies them sense,
But gives them legs and impudence
That beats all understanding”.

(Природа, обделив умишком,

Их одарила ляжками

И дерзостью с излишком). (Перевод мой. — П.С.)

¹⁵ «Записка». Л. 7 об.—8.

Характеристика, скажем прямо, излишне комплиментарная. Это показал уже первый приступ Уильямса к дипломатическим делам. В столицу Саксонии он прибыл в мае 1747 г. Дрезден в английской дипслужбе считался второстепенным постом. Значение его повысилось только в связи с продолжавшейся войной за австрийское наследство и планами Георга II как курфюрста Ганновера активизировать политику Великобритании в Германии. Саксония, успевшая повоевать и на стороне Франции, и с 1742 г. в составе австрийской коалиции, пыталась посредничать между Австрией и Францией. Французские дипломаты, знавшие о тяжелом финансовом положении Саксонии, обсуждали возобновление с ней субсидного договора. В связи с этим Уильямсу предписывалось содействовать двум имперским послам, российскому и австрийскому, чтобы воспрепятствовать сближению Дрездена с Парижем и удержать его в орбите англо-австрийского союза 1742 г. Сэру Чарльзу следовало также обеспечить проход в Нидерланды русских вспомогательных войск, которые должны были поставить заключительную точку в войне.

В Дрездене Россию представлял Михаил Петрович Бестужев, брат всемогущего канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, а Австрию — Миклош Эстергази. С обоими ему предстояло иметь дело и в Петербурге, где они не входили в число его друзей. Дело в том, что с первых шагов Уильямс приобрел репутацию дипломата, склонного к интригам и к тому же не умевшего держать язык за зубами. Попытки поссорить фаворита Августа III всеильного канцлера Генриха Брюля с французским послом Дезэссаром сильно повредили ему во мнении коллег.

Положение Уильямса не облегчало и то, что в свой первый приезд в Дрезден он не был полномочным министром. Чтобы выполнить поручение по обеспечению прохода русских войск через территорию Польши, ему пришлось повторно аккредитоваться у курфюрста Августа III как короля Польши, с которой Саксония была связана личной унией. Первые неудачи показали Уильямсу, что Великобритания в сравнении с Россией и Австрией не располагала влиянием на германские владетельные княжества.

Уже через год, в начале мая 1748 г., Уильямс вновь обратился к королю с просьбой перевести его в Турин. В ожидании ответа он не поехал вместе со всем двором в Варшаву на открытие сейма. Вместо этого он, оставшись один в Дрездене, сочинил развернутую справку по истории Польши до 1382 г., эпохе королей династии Пястов. Факт любопытный, поскольку дает основание предполагать, что уже в это время его серьезно интересовали польские дела, в частности вопрос о том, кто займет польский трон после смерти Августа III.

Вместо Турина Уильямсу предложили перевестись в Берлин уже полномочным посланником. В августе 1749 г. он выехал в Лондон, проведя в Саксонии чуть более двух лет. Сразу же по возвращении он представил руководству три меморандума, в которых изложил свои предложения по активизации британской политики в германском мире. В их основе лежали две главные идеи: о предоставлении финансовых субсидий мелким германским государствам и избрании восьмилетнего сына Марии Терезии эрцгерцога Иосифа «римским королем» (императором Священной Римской империи германской нации). Это понравилось Георгу II, озабоченному защитой своих ганноверских владений от возможного нападения со стороны Франции и Пруссии. Одобрил идеи Уильямса и руководитель английской внешней политики герцог Ньюкасл. Так родился план Ньюкасла—Уильямса, определивший германскую политику Великобритании при Ганноверской династии.

В Берлине Ньюкасл поручил Уильямсу заниматься наблюдением за ситуацией в Германии, предстоящими выборами «римского короля» и польскими делами, где в связи с возрастом и состоянием здоровья Августа III вставал вопрос о выборах нового короля. Предстояло ему и внимательно следить за острыми перипетиями отношений Ганновера и Пруссии: Георг II и Фридрих II, находившиеся в близких родственных отношениях (дядя и племянник), терпеть не могли друг друга. Кроме того, в секретных инструкциях, данных Уильямсу, его функции в Берлине были, как вскоре выяснилось, весьма неудачно

совмещены с задачами британской политики в Саксонии, куда еще не успел прибыть его преемник. Уильямсу, в частности, предписывалось препятствовать возобновлению субсидного договора Дрездена с Версалем.

Фридрих II встретил Уильямса подчеркнуто холодно. Как докладывал посол в Лондон, «моя аудиенция с прусским королем продолжалась 5 и ½ минуты». Этого в принципе и следовало ожидать. Еще до отъезда Уильямса в Берлин злые языки в Лондоне живо обсуждали, «как два поэта будут читать друг другу свои бездарные оды и чем все это закончится». Мы не знаем мнения Фридриха о стихах Уильямса, но в дипломатии он считал его опасным интриганом. Уильямс, со своей стороны, не стеснялся в выражениях, издеваясь над «иногда жестокими, иногда дурацкими» методами великого монарха. В своих депешах и частных письмах британский дипломат весьма саркастически отзывался о последствиях войны, которую прусский король начал захватом Силезии, в самых черных красках описывал его «деспотизм и цинизм». По мнению Г. Уолпола, он делал это в угоду Георгу II¹⁶.

Серьезно осложнила положение Уильямса в Берлине и его поездка на польский сейм летом 1750 г. На сейм он опоздал, но его контакты с влиятельной «фамилией» Чарторийских имели далеко идущие последствия для его профессиональной карьеры. Чарторийские, сторонники реформ, на этом этапе еще поддерживали идею сохранения польского трона в руках Саксонии, но задумывались и о возвращении к временам Пястов. Положительно отнеслись они и к кандидатуре эрцгерцога Иосифа на предстоящих выборах в Священной Римской империи, давая понять, что готовы переориентироваться с Франции на Англию, если на это согласится британский парламент.

Вернувшись в Берлин в конце октября, Уильямс оказался в состоянии почти полной изоляции как со стороны прусского официоза, так и значительной части дипкорпуса. Король был крайне недоволен его поездкой в Польшу, относительно которой его планы никак не совпадали с интересами саксонской династии Веттинов. В конце 1750 г. Фридрих потребовал отзыва дипломата из Берлина, сославшись на то, что своим поведением он наносит ущерб двусторонним отношениям. Однако конкретных претензий к Уильямсу король предпочел не высказывать. В Лондоне также сочли за лучшее отозвать Уильямса из Берлина, одновременно, однако, назначив его снова в Дрезден, на этот раз уже в качестве полномочного посланника.

В саксонской столице, где были наслышаны о пикировках Уильямса с прусским королем, его встретили как героя. В Европе уже начались перемены, которые вскоре закончились «ниспровержением альянсов». Саксония, окончательно запутавшаяся в сложном маневрировании между Австрией, Францией и Пруссией, остро нуждалась в пополнении финансов. Субсидный договор с Великобританией, подписанный Уильямсом в 1751 г., принес Августу III 32 тыс. ф. ст. в год. Но ратифицирован английским парламентом он был только в январе 1752 г. после вмешательства Генри Фокса, который вскоре стал членом Кабинета.

Однако в целом план Ньюкасла—Уильямса по обеспечению безопасности Ганновера путем выплаты субсидий мелким германским государствам не сработал. Двое из девяти членов Коллегии курфюрстов отказались принимать в нем участие. Неосуществимой из-за позиции Австрии оказалась и идея ранних выборов императора Священной Римской империи. Это ясно показал уже визит Уильямса в Вену в марте 1753 г. И хотя осенью того же года Ньюкасл направил ему сообщение о новых, расширенных полномочиях по переговорам с германскими государствами, идея обеспечения безопасности Ганновера путем подписания субсидных договоров была заблокирована Пруссией.

Наибольших успехов во время второй миссии в Саксонии Уильямс добился в польских делах. На сейме 1752 г. он теснее сблизился с партией Чарторийских, недовольных

¹⁶ Там же. Л. 16–17.

Брюлем и начавших говорить о желании отойти от Саксонии. В 1753 г. Уильямс составил план, предусматривавший проведение выборов польского короля до смерти Августа III, с тем чтобы предотвратить, с одной стороны, французские попытки посадить на польский трон принца Конти, а с другой — вмешательство России в польские дела. Однако после сейма 1754 г. Чарторыйские, убедившись в невозможности реформ в Польше при саксонском правлении, начали зондировать возможность продвижения на польский престол «природного поляка» (представителя древней династии Пястов), имея в виду, естественно, своего кандидата.

Таковыми кандидатами были Станислав Август, сын Станислава и Констанции Понятовских, и его дядя Август Чарторыйский, но он сам снял в 1762 г. свою кандидатуру. Уильямс познакомился с ним в 1750 г. в Берлине, причем, что любопытно, с подачи русского посла Г.К. фон Кейзерлинга, бывшего своим человеком в доме Чарторыйских и преподававшего когда-то молодому Станиславу Августу логику и математику. Уильямс взял молодого Понятовского под свое покровительство. Покидая Варшаву в 1752 г., он снабдил 20-летнего поляка шифром для тайной переписки с фамилией Чарторыйских.

Уильямс считал Понятовского своим приемным сыном. По просьбе Чарторыйских он взялся довершить его воспитание, подготовив будущего короля к государственной деятельности. Когда семья в 1751 г. направила графа Станислава в ознакомительную поездку по Европе (Grand Tour, завершающий штрих в аристократическом образовании), Уильямс снабдил Понятовского рекомендательными письмами и проделал часть пути вместе с ним. Во время поездки Понятовский был введен в придворные круги Австрии, Саксонии, Пруссии, Англии, познакомился в Вене с Н.Л. фон Цинцендорфом, в Париже с мадам Жоффрен, переписку с которой вел долгие годы, и президентом Ш.Л. Монтескье, вдохновившим позже Екатерину на написание «Наказа» Уложенной комиссии. В Дрездене он жил у Уильямса, был представлен им Брюлю и стал своим человеком в доме канцлера¹⁷.

Сближение Уильямса с Чарторыйскими не прошло мимо внимания Бестужева, зорко следившего за тайными ходами европейской дипломатии. В начале 1755 г. он по своим каналам, возможно, через канцлера Брюля, с которым находился в приятельских отношениях, нашел способ довести до сведения Уильямса, что Россия готова к совместному противодействию экспансии Пруссии. Располагая 16-тысячным войском на границе, она могла бы выставить еще столько же, если удастся достичь соглашения по сумме субсидий. При этом Бестужев дал понять, что готов вести переговоры по этому вопросу с Уильямсом, так как отношения с английским посланником в Петербурге Гаем Диккенсом его не устраивали.

Переговоры по подписанию субсидного договора с Великобританией велись в Петербурге с 1749 г. Диккенс, у которого не сложились отношения с Бестужевым, давно просил отозвать его на родину, ссылаясь на то, что при русском дворе должен находиться дипломат в полном расцвете сил, деятельный и способный присутствовать на бесчисленных празднествах при дворах, балах и маскарадах, посещать театры и оперу.

В апреле 1755 г. новый государственный секретарь по иностранным делам лорд Холдернесс принял решение о переводе Уильямса в Петербург. Он был назначен чрезвычайным и полномочным послом, поскольку это давало ему право на место за столом рядом с императрицей, а также потому, что Австрия была представлена в Петербурге на уровне посла.

МИССИЯ УИЛЬЯМСА В ПЕТЕРБУРГЕ

«Около Троицына дня прибыл в Россию английский посланник кавалер Уильямс. В свите его находился граф Понятовский, поляк, отец которого держал сторону Карла XII, шведского короля», — читаем мы в мемуарах Екатерины.

¹⁷ Поездку по Европе Понятовский совершал в компании Гарри Дигби, племянника Роберта Фокса. Этот молодой человек был также одним из протеже Уильямса наряду с его племянником Уильямом Капелем.

Действительно, Уильямс прибыл в Петербург в начале июня 1755 г., но Понятовский с приездом несколько запоздал: среди официальных лиц, сопровождавших посла на высочайшую аудиенцию 12 июня, его имени мы не видим. В свите Уильямса он не появился и 23 июня во время представления посла «малому двору». Впервые его имя упоминается в связи с балом в Ораниенбауме 28 июня по случаю именин великого князя Павла Петровича. «Помню, что за ужином английский посол кавалер Уильямс был за моим столом, и мы вели с ним приятную беседу: он был умен, сведущ, объездил всю Европу — с ним было нетрудно разговаривать»¹⁸. Существенно, что посол сразу же обратил внимание великой княгини на то, что Понятовский послан «фамилией» Чарторийских с тем, чтобы он «воспитал в нем дружественные чувства к России»¹⁹.

Главной задачей сэра Чарльза было скорейшее подписание субсидного договора о направлении русских войск для защиты ганноверских владений английского короля. Опираясь на архив своего предшественника Гая Дикенса и помощь британского консула барона Якова Вольфа, находившегося в Петербурге уже 10 лет, Уильямс провел рекогносцировку. Через две недели после приезда он уже докладывал в Лондон, что идею заключения субсидного договора поддерживает не только канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, но и вице-канцлер М.И. Воронцов.

Для такой оперативности имелись свои причины: посла уполномочили обещать Бестужеву 10 тыс. ф. ст. при ратификации субсидного договора (в дипломатической практике XVIII в. это было общепринятым делом), а «в случае крайней необходимости» — выплачивать ему регулярную пенсию. Уже в июле Уильямс начал осторожно зондировать Бестужева относительно пенсии. Начал с пяти тысяч, затем предложил восемь. Бестужев обиделся. Сошлись на десяти. Помимо Бестужева было решено финансово стимулировать вице-канцлера М.И. Воронцова, его секретаря А.В. Олсуфьева, секретаря Бестужева Д.В. Волкова, а также, по настоянию посла, саксонского представителя барона И.Ф.А. фон Функа, который в течение двух лет не получал жалования от своего двора²⁰.

Уже через два месяца после приезда, 29 июля (9 августа) 1755 г., Уильямс сообщал, что подписал предварительный текст субсидного договора, предусматривавшего направление в Ганновер 55-тысячного корпуса русских войск в обмен на ежегодную выплату 500 тыс. ф. ст. Срок действия договора составлял четыре года. Императрица включила в него две секретные статьи. Первая — о незаключении сепаратного мира (на Ахенском конгрессе в 1748 г., завершившем войну за австрийское наследство, русских дипломатов не допустили к переговорам). Вторая — о том, что корпус русских войск, дислоцированный в Ливонии, должен был пересечь границу Пруссии через три месяца после получения соответствующей просьбы британской стороны.

Сообщение Уильямса Георг II получил в Ганновере, где шли переговоры по субсидным соглашениям с Баварией, Саксонией и Гессеном. Продвигались они трудно — торг шел за каждый фунт стерлингов. Внимательно изучив договор, подписанный Уильямсом, Георг II представил себе, насколько затратной является его политика защиты Ганновера при помощи английского золота. В итоге лорд Холдернесс пришел к выводу, что посол выполнил не все пожелания короля по срокам предоставления войск и объемам субсидий. Уильямсу полетели указания «исправить все, что еще можно было исправить»²¹.

¹⁸ Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900. С. 345.

¹⁹ Там же. С. 346.

²⁰ Характерная деталь. При обсуждении этого вопроса Бестужев настоял, чтобы гарантийный взнос в 100 тыс. ф. ст., которые Великобритания должна была выплатить России при ратификации договора, был увеличен на 50 тыс., подчеркнув, что эти средства предназначены для «личного кошелька императрицы», на ремонт одного из ее дворцов в окрестностях Петербурга. Англичане согласились на 25 тыс., но в конечном счете гарантийный взнос, включая эту сумму, не был выплачен. — Horn D.C. Op. cit. P. 14.

²¹ «Записка». Л. 59 об.

Депеша лорда Холдернесса от 17(28) августа стала для Уильямса холодным душем. Понятовский впоследствии вспоминал, что, прочитав первую страницу, посол бросил ее на пол, хлопнул себя по лбу и обхватил голову руками. После нескольких минут молчания, Уильямс поднял голову и спросил Понятовского, может ли тот поверить, что вместо того, чтобы оценить его усердие, король выражает ему свое неудовольствие. Посол погрузился в глубокую ипохондрию. Понятовский увидел в этом одну из причин его последующего психического расстройства²².

Между тем реакция Георга II носила скорее эмоциональный характер. Дело в том, что Уильямс по ошибке направил в Лондон экземпляр договора, предназначавшийся для России. В нем в соответствии с правилом альтерната подпись Елизаветы Петровны шла первой, перед подписью английского короля. Уильямсу не составило труда поменять экземпляры. Более существенные замечания касались двух секретных статей: в первой сумма дополнительных дотаций была снижена с 50 до 25 тыс. ф. ст., во второй — Россия обязалась сократить сроки направления войск в Восточную Пруссию.

19(30) сентября 1755 г. окончательно согласованный текст договора был направлен в Лондон. Тем не менее задержка с его оформлением имела нежелательные последствия. Во-первых, Фридриху II из-за утечек информации в голландской прессе стало известно о его подготовке. Стремясь предотвратить формирование против него мощной коалиции, он выступил с инициативой встречи с Георгом II, в ходе которой дядя и племянник договорились о прусских гарантиях территориальной целостности Ганновера. Во-вторых, не остались в бездействии и французы. В начале октября в Петербурге появился «в качестве простого путешественника» шотландский эмигрант, сторонник Стюартов Маккензи Дуглас, начавший тайные переговоры с вице-канцлером Воронцовым и партией Шуваловых о восстановлении дипломатических отношений России с Францией, прерванных после раскрытия «заговора Шетарди» в 1744 г. Таким образом, субсидный договор между Россией и Англией стал катализатором формирования новой расстановки сил накануне Семилетней войны.

Первым шагом в этом направлении стало подписание 5 января 1756 г. «конвенции нейтралитета» между Англией и Пруссией, получившей название Вестминстерского договора. В соответствии с ним стороны обязывались поддерживать мир в Германии против всякой державы, которая посягнет на целостность германской территории. Подписание Вестминстерского договора, ставшее полной неожиданностью для дипломатов Европы, поставило Уильямса в крайне сложное положение. Из противника короля-философа ему предстояло превратиться в его союзника. Задача непростая, поскольку поворот в английской политике разрушил всю систему аргументов, которые Уильямс использовал в России, внушая Бестужеву и Воронцову, что Англию лучше иметь в качестве союзника, чем врага. Справедливости ради надо отметить, что он сам узнал об англо-прусском сближении лишь из депешы лорда Холдернесса от 16(26) декабря, причем в Лондоне в тот момент еще надеялись сохранить факт подписания договора с прусским королем в тайне. Уильямсу запрещалось обсуждать этот вопрос не только с российскими представителями, но и с австрийским послом Эстергази. «Можно представить себе впечатление, которое должно было произвести это на Уильямса, который с начала своей дипломатической карьеры только и делал, что разжигал ненависть к прусскому королю», — отмечают авторы «Записки»²³.

Перемены, происходившие в большой европейской политике, повлекли за собой задержку с ратификацией Россией субсидного договора (английский парламент ратифицировал его 11 декабря 1755 г.). Уильямс докладывал, что «работает день и ночь, чтобы

²² Cox W. An Historical Tour of Monmouthshire. Vol. 2. London, 1782. P. 275. У. Кокс, первый биограф семьи Уильямс, слышал эту историю от самого Понятовского в Варшаве в 1785 г. — «Записка». Л. 51 об.

²³ Там же. Л. 61 об.

сгладить негативное впечатление от Вестминстерского договора в Петербурге»²⁴. Действия Лондона он объяснял стремлением сохранить мир на континенте, хотя было очевидно, что Георга II мало интересовало все, что не касалось защиты его ганноверских владений. В частном письме от 26 декабря лорд Холдернесс писал Уильямсу: «Поскольку мы платим волынщику, то не понимаем, почему мы не можем услышать ту мелодию, которую заказываем» (as we pay the piper, it is not understandable for us to have the tune we like)²⁵. Уильямсу не оставалось ничего другого, как называть Вестминстерский договор шедевром дипломатии.

1(14) февраля 1756 г. Елизавета Петровна ратифицировала субсидный договор, но сопроводила его Секретнейшей декларацией, согласно которой российские гарантии Ганноверу распространялись только на агрессию со стороны Пруссии, но не Франции. Бестужеву выплачивали обещанные 10 тыс. ф. ст. Однако герцог Ньюкасл, явно недооценивавший раздражение главных лиц в Петербурге, принял решение не признавать Секретнейшую декларацию и не прилагать ее к тексту договора. 8 мая Уильямс вернул ее Бестужеву. В ответ канцлер вновь направил текст декларации в Лондон, на этот раз через российского чрезвычайного посланника А.М. Голицына. Англичане, понимая, что фактический отказ России помогать Англии в случае угрозы Ганноверу со стороны Франции обесценивает субсидный договор, отказались принимать ее. Тогда посланник, уходя, оставил ее на столе. Таким образом, договор не был денонсирован (хотя Воронцов и требовал этого при открытии в марте Конференции при высочайшем дворе), но и не вступил в силу, оставшись одним из примеров конструктивной двусмысленности в истории дипломатии.

Англо-прусская «конвенция нейтралитета» и русско-английский субсидный договор вызвали перегруппировку политических сил в Европе, получившую название «дипломатической революции». В новых условиях Уильямс показал себя не лучшим образом. Сосредоточившись на переговорах Дугласа в Петербурге, он просмотрел активные контакты Австрии в российской столице, которые имели гораздо более тяжелые последствия для Англии. В марте 1756 г. Россия заключила первое из серии соглашений с Австрией, согласно которому она обязалась для планировавшегося (но не состоявшегося) похода против Фридриха поставить 70-тысячный корпус. Благодаря активности французской дипломатии к австро-русскому союзу примкнул Август III, саксонский курфюрст и король Речи Посполитой. В 1757 г. в антипрусскую коалицию вступила Швеция, получившая денежные субсидии и надеявшаяся вернуть себе прусскую Померанию.

Но кульминацией «дипломатической революции» стало подписание в мае 1756 г. в Париже первого Версальского договора между Францией и Австрией. Договор носил оборонительный характер и в пик заключенному тайно англо-прусскому договору был сразу же опубликован. Стороны обязывались уважать территориальную целостность друг друга, агрессор, против которого собирались применить силу Вена и Париж, не назывался, но ясно, что речь шла о Пруссии. Цели России в начавшейся вскоре Семилетней войне к этому времени были уже сформулированы (26 марта, на одном из первых заседаний Конференции), и они носили открыто антипруссский характер: «Ослабить короля прусского, сделать его для России нестрашным и незаботным, усиливши венский двор возвращением Силезии, сделать союз с ней против турок более важным и действенным, одолживши Польшу доставлением ей королевской Пруссии. Взамен получить не только Курляндию, но и такое округление границ польских, благодаря которому мы не токмо пресекли бы нынешние беспрестанные одни хлопоты и беспокойства, но, быть может, получили бы способ соединить торговлю Балтийского и Черного морей и сосредоточить всероссийскую торговлю в своих руках»²⁶.

²⁴ Там же. Л. 63.

²⁵ Horn D.C. Op. cit. P. 8.

²⁶ Цит. по: Стегний П.В. Указ. соч. С. 81.

Предпосылки для формирования тройственной коалиции Австрии, Франции и России были теперь налицо, но процесс переговоров занял еще более года. В европейской дипломатии этого периода соединилось несоединимое — глобальные вызовы начавшейся трансформации Вестфальской системы (Черчилль назовет впоследствии Семилетнюю войну репетицией Первой мировой) и альковно-будуарный характер ответа на них (для Фридриха II надвигавшийся конфликт был «войной трех баб» — Марии Терезии, Елизаветы Петровны и маркизы Помпадур).

«Дипломатическая революция» сместила традиционные ориентиры европейской политики. Вчерашние друзья в одночасье становились врагами, привычные схемы переставали работать. В этих условиях даже такие опытные политики, как канцлер Бестужев, чувствовали, что почва уходит из-под ног, Уильямс же совсем потерялся. Уже в январе 1756 г. Бестужев начал добиваться от Лондона через дипломатов третьих стран его отзыва. В письме, переданном через саксонского посланника Функа, уезжавшего из Петербурга, он характеризовал Уильямса как интригана, который «перессорил всех и может завершить свою миссию полным разрывом отношений между Лондоном и Петербургом»²⁷. Британского дипломата выручили, как всегда, друзья в Лондоне, и прежде всего Генри Фокс, который стал в ноябре 1755 г. государственным секретарем по иностранным делам департамента Юга. Но влиятельные ходатаи были у него и в Петербурге.

Сложные задачи, которые приходилось решать Уильямсу в Петербурге, побуждали его внимательно следить за расстановкой сил при российском дворе, борьбой придворных группировок по внешнеполитическим вопросам. Императрица Елизавета Петровна под влиянием канцлера Бестужева, австрийских и саксонских дипломатов была настроена резко антипрусски. Но несмотря на это, даже после подписания Вестминстерского договора Уильямс считал, что заинтересованность России в торговле с Великобританией позволит удержать ее вне коалиции с Францией и Австрией. Бестужев имел свои причины недолюбливать и Пруссию, и Францию, которые добивались его падения через партию Шуваловых (со второй половины 1740-х годов представители этих стран в Петербурге отсутствовали). Знаменитая «система» Бестужева была ориентирована на Австрию и Англию. При «малом дворе», напротив, царил культ Фридриха II. Великий князь Петр Федорович афишировал свое преклонение перед прусским королем; Екатерина вела себя более осторожно. Она была противницей вступления России в войну, хотя и говорила Уильямсу, что считает Фридриха II «естественным врагом» России, даже питает к нему антипатию, «имея для этого личные причины»²⁸. Вице-канцлер Воронцов (Бестужев держал его на вторых ролях) с 1753 г. тайно зондировал возможность восстановления дипломатических отношений России с Францией. В то же время, понимая, что его будущее связано с «малым двором», он проявлял разумную осторожность в высказываниях относительно Пруссии.

Осенью 1755 г. Уильямс начал направлять в Лондон сообщения об ухудшении здоровья императрицы. В депеше от 21 сентября (2 октября) он доносил, что у нее астма, постоянный кашель, частые кровотечения, ноги с отеками и вода в животе, но она, несмотря на это, танцует на балах²⁹. Одновременно посол отмечал обеспокоенность, которую вызывало состояние здоровья Елизаветы Петровны при «малом дворе», возросшую напряженность в отношениях между великой княгиней и Шуваловыми. Все это, на его взгляд, свидетельствовало о том, что после смерти императрицы могут возникнуть проблемы с престолонаследием. «Возможно и такое развитие событий, что царствовать или, по меньшей мере, участвовать в правлении будет великая княгиня», — заключал он³⁰. Он сообщал, что часто видится с великой княгиней, «говорит с ней часами», за обедом его место обычно рядом с ней.

²⁷ «Записка». Л. 69–71.

²⁸ Там же. Л. 55.

²⁹ Там же. Л. 53 об.—54.

³⁰ Там же. Л. 54–56.

Характеристика, которую Уильямс дает великой княгине, немногим уступает панегирикам, которые будет направлять в Лондон его преемник лорд Бекингам: «С момента своего приезда в Россию она сделала все, чтобы заручиться доверием нации и достигла этой цели, изучила язык, которым владеет очень хорошо. Она усердно изучает страну, ее нравы и обычаи. Внешность ее очень привлекательна, она весьма любезна, обладает чрезвычайными способностями, граф Бестужев говорил, что трудно иметь более сильный и решительный характер». Иную характеристику посол дает Петру Федоровичу: он порывист, несдержан, инфантилен (говорит, что его жена разбирается в политике гораздо лучше, чем он)³¹.

Бестужев, рано разглядевший в Екатерине качества выдающегося государственного деятеля, с 1754 г. опекал великую княгиню, пытаясь обезопасить ее от интриг могущественных оппонентов. Ему приходилось опасаться Воронцова, который, понимая силу Бестужева, вел себя достаточно осторожно, и Шуваловых, которые, напротив, играли ва-банк, стремясь подорвать его влияние на великую княгиню. Шуваловы никогда не оставляли надежду добиться от императрицы изменения порядка наследования престола. Уильямс допускал, что этой задаче было подчинено и их совместное с Воронцовым лоббирование восстановления дипломатических отношений с Францией, не скрывавшей интереса к Брауншвейгской фамилии и свергнутому императору Иоанну VI Антоновичу («молодому князю Ивану»). Это обостряло конфликт Шуваловых как с «малым двором», так и с канцлером. Против нормализации отношений с Францией, кроме великокняжеской четы и Бестужева, выступали Алексей и Кирилл Разумовские. Им противостояли М.И. Воронцов, Шуваловы, брат канцлера М.П. Бестужев, обер-прокурор князь Н.Ю. Трубецкой и генерал-аншеф А.Б. Бутурлин³².

В конце 1755 — начале 1756 г. в этой непростой ситуации начинает играть роль фактор Понятовского. «Можно предположить, что не без дальних политических расчетов Уильямс поощрял рождавшуюся (с декабря 1755 г.) связь между великой княгиней и графом Понятовским, который жил у него. Хотя он мог и даже, может быть, должен был отправить Понятовского в Варшаву, едва заметив, что происходило между ним и великой княгиней»³³. Понятовский в мемуарах утверждает, что Уильямс якобы долгое время не догадывался о рождающейся связи, в которой посредничал камер-юнкер Екатерины Л.А. Нарышкин. Думается, что здесь Понятовский не вполне искренен: он, скорее всего, пытается представить всю эту историю, компрометировавшую посла, да и его самого, в более выгодном свете, тем более что чуть позже он сам называет Уильямса своим «наперсником, советником, помощником» во всем, что было связано с этим «исключительно искренним и сильным человеком». Вместе с тем Понятовский допускает, что Уильямс сам был тайно влюблен в Екатерину³⁴.

Авторы «Записки» отмечают, что, поощряя Понятовского, Уильямс «обеспечил себе прямой доступ к великой княгине и доверие последней, не имевшей до этого возможности установить близкие отношения с человеком образованным и умным... Совершенно естественно, что это осложнило его отношения с Бестужевым, от которого зависели его личные отношения и судьба великой княгини. Канцлер боялся, и не без оснований, что сэр Чарльз, превосходивший его интеллектом, может однажды заменить его в качестве доверенного лица великой княгини, более того — привлечь ее к исполнению замыслов сент-джеймского кабинета, хотя прежде она имела собственные представления о политике. Опасность, коей подвергалась при этом великая княгиня, связывалась в глазах Бестужева с тем, что неизбежная открытая конфронтация с Шуваловыми, которых он рассматривал в качестве врагов, угрожала бы и отношениям великой княгини с не

³¹ Там же. Л. 56.

³² Там же. Л. 66.

³³ Там же. Л. 66, 69.

³⁴ Понятовский С.-А. Мемуары. М., 1995. С. 101–102.

терпевшей возражений императрицей. Он знал, насколько щекотливым было положение великой княгини, и считал, что малейшая неосторожность с ее стороны могла привести к весьма плачевным последствиям и даже погубить в глазах императрицы, поставив крест на ее будущем. Кроме того, продажные придворные, те, кто получают субсидии, всегда будут ненавидеть того, кто их купил или считал, что купил. Существовало, следовательно, много причин, по которым канцлер должен был видеть в английском после человека не только неудобного, но и опасного, тем более что великая княгиня часто просила его ознакомить ее с дипломатической корреспонденцией»³⁵.

К лету 1756 г. положение Понятовского становится крайне щекотливым. Его отзыва настойчиво добивались Дуглас и Эстергази. Для этого, надо думать, имелись определенные основания. Понятовский впоследствии вспоминал: «Раньше Уильямс наставлял меня — теперь я стал, в свою очередь, ему полезен». И объяснял это весьма откровенно: «О великих тайнах не узнаешь, пока не отзвонят полночь»³⁶. Сохранить лицо Понятовскому позволило письмо отца, вызывавшего его в Варшаву для участия в очередном сейме: клан Понятовских считал, что пришло время упрочить свои позиции.

В этих условиях борьба за возвращение Понятовского в Россию, но уже в официальном качестве, становится главной заботой Екатерины. Великая княгиня через Понятовского обращается к Уильямсу с просьбой уведомить в личном порядке канцлера о ее заинтересованности в скорейшем возвращении Понятовского. Уильямс охотно соглашается. Бестужев обещает содействие. Он даже принимает Понятовского, чтобы условиться с ним о деталях взаимных действий. С этого момента отношения великой княгини с Уильямсом приобретают особо доверительный характер. 28 июня (9 июля) 1756 г. он направляет в Лондон просьбу о предоставлении Екатерине кредита в 10 тыс. ф. ст., мотивируя это необходимостью работы с «малым двором» против Маккензи Дугласа.

В конце июля Понятовский уехал из Петербурга без аудиенции, но с прощальным подарком от императрицы, переданным ему в Выборге. Перед отъездом разработал специальный шифр, при помощи которого он собирался общаться с Уильямсом и Екатериной. «Таким образом, завязалась сложная интрига, в которой каждый — великая княгиня, Бестужев и Уильямс — играл свою игру, оказавшись связанными общим секретом. Нужно, однако, отдать должное преданности обоих великой княгине, тонкости и такту последней, начавшей игру, в которой могла выиграть только она сама»³⁷.

ПОСОЛ ГЕОРГА II — ШПИОН ФРИДРИХА II

Трудно сказать, кто выступил с инициативой начала переписки. В дошедшей до нас подборке (составители «Записки» считают, что ряд писем из нее были изъяты, скорее всего, самим Уильямсом; они насчитывают в переписке четыре крупные лакуны) первое письмо — от 31 июля 1756 г. — было написано Уильямсом. Екатерина ответила на него 3 августа. Но само содержание первых писем показывает, что они продолжали переписку или устные контакты, начатые ранее³⁸.

Переписка из соображений секретности велась как бы между двумя мужчинами. Обращались Уильямс и великая княгиня друг к другу также в мужском роде — сначала *Monsieur*, затем *Mon ami* — после того, как в одном из первых писем посол напомнил, что так любимый Екатериной Генрих IV обращался к своему министру финансов Сюлли. Письма Уильямса доставлял Екатерине некто Своллоу, англичанин, близкий к камердинеру великого князя А.И. Брессану, он был назначен в 1762 г. английским консулом в Петербурге. Письма Екатерины — камер-юнкер Л.А. Нарышкин.

³⁵ «Записка». Л. 69–70 об.

³⁶ Понятовский С.-А. Указ. соч. С. 115.

³⁷ «Записка». Л. 110 об.

³⁸ На то, что инициатива переписки исходила от великой княгини, указывает и то обстоятельство, что ее письма Уильямс обозначил литерой L (Letters), свои — A (Answers).

Поводом для начала переписки стал отъезд Понятовского, «погрузивший великую княгиню в глубокую печаль», отмечают авторы «Записки». Утешением для нее, как она сама писала в первом послании Уильямсу, было обратиться к тому, с кем она могла бы говорить о нем. «Екатерина чувствовала себя одинокой в атмосфере дворцовых интриг, хотя и сама участвовала в них. Канцлер был ей предан, она это знала, но не настолько, чтобы полностью доверять ему. К тому же он сам был вовлечен в интриги, затрагивавшие слишком важные интересы, чтобы беспристрастно оценивать ситуацию в целом. Екатерина нуждалась в друге, с которым можно было бы посоветоваться, который стоял бы вне дворцовых интриг. Человеке лояльном и скромном, который по мере возможности оставался бы простым наблюдателем событий и мог бы давать ей советы, служить гидом для молодой женщины, поднимавшейся к высшей ступени власти по пути, который мог привести ее к гибели. Уильямс, со своей стороны, помимо преданности — на грани обожания, — которую внушала ему Екатерина, стремился упрочить отношения с будущей правительницей России — страны, чей союз с Великобританией находился под угрозой»³⁹.

Переписка быстро вышла далеко за рамки устройства сердечных дел великой княгини. Круг вопросов, которые обсуждали Уильямс и Екатерина, можно сгруппировать по трем основным блокам: профессиональная деятельность посла в условиях надвигавшейся войны, обеспечение прав «малого двора» на престол в случае внезапной смерти императрицы и содействие возвращению Понятовского в Россию. Своеобразие переписки как источника состоит во взаимном переплетении этих тем, среди которых не просто расставить приоритеты. Для Екатерины главной задачей, конечно, было возвращение Понятовского, вряд ли возможное без помощи Бестужева и английского посла. Ради этого, собственно, и затевалась переписка. Интерес Уильямса состоял в том, чтобы удержать Россию в орбите английской политики, не допустить ее вступления в военный союз с Австрией и Францией. В этом вопросе он рассчитывал на пропускские и антифранцузские настроения Петра Федоровича и его супруги, приход к власти которых отвечал стратегическим интересам Англии и союзной с ней Пруссии. Масштаб стоявших перед ним задач побуждал посла идти на предельно рискованное в его положении обсуждение с Екатериной ее планов прихода к власти, борьбы придворных группировок, их маневрирования между слабеющей императрицей и «малым двором».

Действия Уильямса если не оправдывает, то хотя бы объясняет то обстоятельство, что ему пришлось действовать в исключительно сложных условиях. Дело явно шло к общеевропейскому конфликту, но процесс распада прежних союзов и формирования новых коалиций выявил несовпадение интересов ведущих держав. Наиболее мотивированной к войне была Австрия, потерявшая Силезию и готовая воевать ради ее возвращения с Пруссией, но не с союзной с Пруссией Англией. Во Франции, уже воевавшей с Англией за колонии в Северной Америке, существовала сильная оппозиция войне на континенте. Вследствие этого вплоть до присоединения России к первому Версальскому договору в декабре 1756 г. Уильямс не терял надежды на то, что Россия в интересах сохранения баланса сил между великими державами примкнет к англо-прусскому союзу. Инструкции, поступавшие ему из Лондона, поражают своей близорукостью — центр Европы для Георга II находился в его ганноверских владениях. Гораздо лучше понимал значение «русского фактора» Фридрих, интересы которого за неимением прусского посла в Петербурге предстояло представлять Уильямсу. Призрачный шанс победить в ожесточенной дипломатической борьбе двух коалиций за Россию, развернувшейся во второй половине 1756 г., требовал от него, оказавшегося в незавидной роли соглашателя прусского короля, нестандартных действий, плохо совместимых с его официальным статусом. И этот шанс был связан только с приходом к власти в России «малого двора».

³⁹ «Записка». Л. 119.

Политические вопросы в переписке Уильямса с великой княгиней появляются уже в августе 1756 г. Посол нуждался в поддержке великой княгини в вяло продолжавшихся переговорах о введении в действие субсидного договора. Расчеты на их благоприятное для себя завершение в Лондоне связывали с надеждой на то, что Россия все же примет обусловленный договором первый взнос в размере 100 тыс. ф. ст. В августе он даже передал по этому вопросу через Екатерину письмо Петру Федоровичу. Тот ответил общими фразами, поскольку на заседании Конференции уже отказался ставить свою подпись под решением о ратификации договора⁴⁰. Однако Елизавете Петровне успели внушить, что Уильямс «плохо влияет» на великого князя.

Для методов работы Уильямса характерно, что и после того, как Конференция в конце августа окончательно отказалась принимать первый взнос, он продолжал обсуждать с великой княгиней возможности его принятия. Екатерина советовала действовать через П.И. Шувалова, предложив подослать к нему для переговоров близкого к «малому двору» С.Ф. Апраксина. Имелось в виду занять у английского посла 50 тыс. ф. ст. для закупки фуража для армии, которую готовились направить в Курляндию после оккупации Фридрихом Саксонии (Уильямс пребывал в уверенности, что войска выдвигаются к границе в связи с обязательствами России по субсидному договору)⁴¹. Но выступление не состоялось, поскольку Австрия была еще не готова к войне.

19 августа из Лондона поступили 10 тыс. ф. ст. (40 тыс. руб.) для великой княгини. Деньги немалые — от двора Екатерине на личные расходы ассигновалось лишь 30 тыс. руб. ежегодно. Половину этой суммы Екатерина тут же попросила Уильямса направить в Варшаву Понятовскому, но обмен червонцев на империялы, имевшие хождение в Польше, занял у него два месяца. Уильямс, винувший в этом придворного ювелира Бернарди, занимавшегося обменом (он считал его шпионом Бестужева), писал великой княгине, что венецианец продает ей бриллианты канцлера, к тому же по завышенной цене. Екатерина долго тянула с распиской в получении денег, подписала ее инициалом С (Catherine), а после восшествия на престол выплатила свой долг полностью (два займа по 10 тыс. ф. ст.), несмотря на то что посол лорд Бекингем не требовал деньги назад⁴².

Это лишь один из эпизодов, показывающих, что оба корреспондента не вполне доверяли друг другу. Между тем вплоть до конца октября их эпистолярный диалог становился все более активным, порой балансируя на грани допустимого. Екатерина передавала Уильямсу выдержки из протоколов Конференции, депеш российских послов из Швеции, Турции, передала даже полное досье переговоров с Дугласом, полученное ею от Бестужева. Великая княгиня и посол обсуждали инспирированную Францией августовскую попытку переворота в Стокгольме, перипетии борьбы родственной Екатерине младшей ветви голштинского дома с Данией за назначение князя-епископа в Любеке. Но в их общении были и закрытые или полужакрытые для посла зоны: Екатерина не сразу информировала его о подготовленной ею в сентябре записке об обмене наследственных голштинских владений великого князя на графства Ольденбург и Дельменхорст, хотя этот вопрос представлял интерес для политики Англии в Европе при Ганноверской династии⁴³.

⁴⁰ Там же. Л. 457.

⁴¹ Там же. Л. 460. Интересно, что в переписке с Уильямсом Екатерина характеризовала Петра Шувалова как «человека податливого» (maniable), а вице-канцлера Воронцова, также, возможно, получавшего субсидии от посла, считала в этом смысле бесполезным.

⁴² В марте 1763 г. Н.И. Панин сам напомнил лорду Бекингеу, что «Ее Величество, просматривая свои старые бумаги, обнаружила неуплаченный ею долг Георгу II (в то время уже покойному) в 44 тыс. ф. ст.» (очевидно, речь шла о червонцах, курс которых к фунтам стерлингов был 1:20. Посол принял деньги после получения согласия от своего двора.) — The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II of Russia. 1762–1765. London, 1902. P. 164.

⁴³ «Записка». Л. 448.

Авторы «Записки» довольно точно характеризуют мотивы, которыми руководствовалась великая княгиня в своих отношениях с Уильямсом: «Все, что мы находим в бумагах великой княгини относительно ее восхищения Фридрихом II и ее привязанности к Англии, не мешает констатировать, что перепады в ее отношении к Пруссии происходили из чисто личных соображений, впрочем, хорошо понятных Уильямсу, и ее враждебного отношения к Франции. Но нет никаких оснований, по крайней мере, в то время считать их проявлением системного похода к политике, как утверждают некоторые историки. Женщина страстная, но превыше всего душой и сердцем преданная России, Екатерина никогда не забывала под влиянием личных симпатий политические интересы страны, в которой ей суждено было царствовать. Можно с полной определенностью утверждать, что в тот период она не имела другой системы политической, кроме системы ее учителя Бестужева, с некоторыми нюансами в отношении Франции и Австрии, и ее признательности английскому королю. Уильямс, следовательно, напрасно рассчитывал на поддержку с ее стороны, которую его увлекающаяся натура искала в ней и как в женщине, которой он пытался вернуть ее любовника, и как принцессе, которую он надеялся привлечь на свою сторону»⁴⁴.

Отношения Уильямса с Бестужевым развивались гораздо сложнее. Психологическая подоплека крайнего взаимного недоверия была связана с тем, что Бестужев довольно быстро понял: подписав субсидный договор с Англией, он допустил крупный просчет, сравнимый с ошибкой вице-канцлера А.И. Остермана при заключении русско-прусского союзного договора 1740 г. накануне войны за австрийское наследство (с учетом русско-австрийского договора 1726 г. Россия стала тогда как бы союзницей обеих воевавших друг с другом держав), и винил в этом Уильямса. По аналогии с русско-английской конвенцией 1747 г., где было прямо сказано об обязательствах России защищать ганноверские владения английского короля от Пруссии, Бестужев не сомневался, что общим противником России и Англии остается прусский король. Это, казалось бы, подтверждали и его переговоры с Уильямсом, имевшим репутацию непримиримого врага как Франции, так и Пруссии. Однако с Уильямсом происходит удивительная метаморфоза. Из яростного противника прусского короля он становится его сторонником, причем пытается повлиять в этом смысле на великую княгиню, а впоследствии и на Бестужева. Он устанавливает прямую связь с появившимся в Берлине в мае 1756 г. английским посланником Эндрю Митчеллом, через которого начинает снабжать Фридриха сведениями о разворачивавшихся военных приготовлениях России. Но одновременно (в соответствии с инструкциями, получаемыми через Митчелла из Берлина) выступает с идеей совместного посредничества России и Великобритании между Австрией и Пруссией — ради сохранения мира в Европе.

Бестужев, располагавший информаторами при ряде германских дворов, если не знал, то догадывался о двойной роли, которую играл английский посол. Этим, думается, объясняется недоверие, с которым он, известный своей враждой к Пруссии, воспринял сообщение Уильямса (23 августа) о выделении ему Георгом II пенсии в 12 тыс. ф. ст. ежегодно. Только перепроверив эти данные у барона Якова Вольфа, через которого посол осуществлял все финансовые дела (он был сначала консулом, затем с 1751 г. резидентом и одновременно банкиром), канцлер передал послу, что с благодарностью принимает пенсию от Англии.

Само по себе принятие пенсии от иностранного государства не было в практике XVIII в. чем-то чрезвычайным, тем более что Бестужев начинал свою карьеру в петровские времена в качестве английского дипломатического представителя в Петербурге. К тому же он сказал Уильямсу, что уведомил об этом императрицу. Тем не менее принятие пенсии вызвало у посла завышенные ожидания в отношении содействия канцлера

⁴⁴ Там же. Л. 271—271 об.

его планам. В переписке Уильямса с великой княгиней едва ли не основной становится тема жалоб на канцлера, который, по его мнению, «не отработывает» получаемых от Англии денег. В середине сентября, а затем в ноябре Екатерине с большим трудом удалось предотвратить перерастание разногласий между Бестужевым и сэром Чарльзом в открытый конфликт.

В это время Бестужев, по-видимому, искренне стремился наладить взаимодействие с Англией. Так, после оккупации Фридрихом II Дрездена (когда Елизавета Петровна заявила о намерении возглавить армию, которую одно время хотела направить на помощь Саксонии) Бестужев начал интересоваться у Уильямса, какова будет позиция Великобритании в случае внезапного нападения Пруссии на Австрию⁴⁵. Посол, понимавший, что ни с кем, кроме Франции, его страна воевать на континенте не будет, вновь начал призывать к посредничеству, хотя даже обходительный Воронцов неоднократно давал ему понять, что решение о войне с Пруссией императрицей уже принято. Одновременно он сообщил великой княгине, что прусский король выразил готовность направить в его распоряжение значительную сумму денег.

Стоит ли удивляться тому, что в середине сентября посла начали открыто обвинять в пропрусских настроениях? Бестужев, вынужденный задуматься об укреплении своих позиций, вновь посоветовал ему самому просить отзыва из России. В ответ Уильямс объявил канцлера главным врагом Англии в Петербурге, не стесняющимся при этом получать пенсию от английского короля⁴⁶. Великой княгине ничего не оставалось, как твердо заявить Бестужеву, что он должен «предпочесть ее интересы интересам других и собственным расчетам», а не «подыгрывать Австрии, помогая ей разрушить систему, которую сам выстраивал 15 лет»⁴⁷.

В ночь с 11 на 12 сентября Уильямс получил от Екатерины проект ее нового разговора с Бестужевым, который должен был носить еще более резкий характер. Но на следующий день, 12 сентября, его пригласили к канцлеру, который после обсуждения текущих вопросов сам затронул вопрос о субсидиях, выделенных прусским королем («он позвенел прусскими дукатами», — как писал Уильямс великой княгине 13 сентября). Уильямс, чувствовавший себя, когда речь заходила о финансовых вопросах, как рыба в воде, разыгрывал полное равнодушие. Тогда Бестужев прямо спросил, знает ли об этом английский король. «Разумеется, — отвечал посол. — Деньги переведены в амстердамский банк, но я не советовался с Вами, как их потратить, зная Вашу ненависть к королю Пруссии». «Но это же другое дело, — возразил канцлер. — Я не люблю прусского короля, но сделаю все для английского». Обсуждение этого вопроса он завершил фразой: «Я помогу Вам, если Вы поможете мне убедить великую княгиню не настаивать на приезде Понятовского в Петербург». Сообщая об этом Екатерине, Уильямс писал: «Чтобы не поссориться с канцлером, не следует даже пытаться установить с ним хорошие отношения»⁴⁸.

Здесь авторы «Записки» фиксируют первую лакуну в переписке Уильямса с великой княгиней. Отсутствуют письма за период с 13 по 20 сентября. Высказывая предположения, что в эти дни могла состояться еще одна негласная беседа сэра Чарльза с Бестужевым, они ссылаются на его депешу лорду Холдернессу от 17(28) сентября 1756 г.⁴⁹ В ней Уильямс докладывает, что после двух-трех попыток ему удалось «уловить» Бестужева. Решающую роль, как он полагает, сыграл размер предложенной суммы (100 тыс. экю). Реакция Бестужева в изложении Уильямса: «Если бы я знал о намерениях короля два месяца назад, многое можно было бы сделать». И затем: «С этого дня — я друг короля»⁵⁰.

⁴⁵ Там же. Л. 132.

⁴⁶ Там же. Л. 147 об.—148.

⁴⁷ Письмо великой княгини Уильямсу от 11 сентября 1756 г. — Там же. Л. 160.

⁴⁸ Там же. Л. 163 об.—164 об.; Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 155—157.

⁴⁹ Текст депеши опубликован: *Raumer F. von.* Op. cit. S. 399—401.

⁵⁰ «Записка». Л. 171.

Излагая далее слова Бестужева, Уильямс пишет: «Фридрих сам начал войну, и ничто не могло помешать императрице поддержать Австрию. Поэтому все решения на этот счет ею уже приняты. Прусский король, конечно, может считать, что русские плохо подготовлены к войне. Кроме того, как известно сэру Чарльзу, они всегда несколько медлительны в своих передвижениях. В настоящее время он (Бестужев. — П.С.) не может обещать сделать что-то конкретное, поскольку это выходит за рамки его полномочий. Но посол может заверить короля, что все, что А. фон Мардефельд⁵¹ сделал против него, он давно предал забвению и готов при первой возможности доказать королю не только на словах, что он находится в его распоряжении. Он выразил надежду, что подобное столь откровенное изменение принципов будет сохранено в самой строгой тайне»⁵².

Далее в этой депеше Уильямс дал критическую оценку состоянию русской армии: «У нее мало денег и очень мало хороших офицеров. Они идут на войну по необходимости, скорее, из-за личных соображений и амбиций». Посол выразил надежду, что «будущие победы Фридриха восстановят вскоре мир с Россией, для которой Пруссия, находящаяся в союзе с Англией, является естественным союзником, в то время как, находясь в союзе с Францией, она — самый опасный враг России». Далее следует предвзятая характеристика главнокомандующего С.Ф. Апраксина («не был на активной службе со времен крымских походов Миниха, вследствие чего не способен командовать армией; иностранные офицеры из-за этого покидают русскую службу»)⁵³. Добрые слова нашлись у Уильямса только в адрес Екатерины: «При русском дворе только великая княгиня не настроена враждебно к Англии и одобряет действия Австрии в отношении сент-джеймского кабинета. По ее словам, только союз России с Англией, Пруссией, Нидерландами и несколькими германскими принцами мог бы обеспечить или восстановить мир и спасти Европу от интриг Вены и Версаля»⁵⁴.

Вывод, который делают авторы «Записки» из депеш Уильямса, выглядит излишне жестким: «Не остается сомнений в том, что Бестужев, чтобы угодить великой княгине, а также, может быть, защитить ее от нападков противной партии, препятствовал наступательным мерам против Пруссии, принимая плату за это от ее короля. Апраксин, надо думать, помогал ему в этой интриге, приносившей им обоим реальные прибыли, способные вознаградить их за опасности, которым они подвергались, предавая свою монархию. А на будущее открывала перспективу руководить империей от имени великой княгини. Великого князя, по их мнению, можно было не принимать в расчет, он был личным врагом не одного канцлера».

Думается все же, что о логике действий и Бестужева, и Апраксина накануне войны трудно судить по донесениям английского посла, вынужденного в силу сложившихся обстоятельств отстаивать интересы будущего противника России. В исключительно сложной и запутанной ситуации «ниспровержения альянсов» они искали оптимальные с точки зрения интересов России ходы, будучи к тому же вынужденными учитывать возможную смену царствования, а с ней и политики. Уильямс же, приняв на себя миссию, невыполнимую по определению, окончательно оторвался от реальности.

Апраксин давно уже находился в поле зрения великой княгини. Еще в начале осени она передавала Уильямсу, что на балу по случаю Елизаветинского дня 5 сентября Апраксин «на минуту забылся» и откровенно рассказал о своих намерениях: «В случае, если прусский король на него нападет, он, конечно, будет сражаться. Но если тот намерен вести себя спокойно, он тоже будет придерживаться оборонительной тактики»⁵⁵. Еще более прямой разговор состоялся у Екатерины с Апраксиным на дворцовом приеме 20 сентября. На вопрос, намерен ли он атаковать Мемель, Апраксин сказал, что нет, он не

⁵¹ Посланник Пруссии в Петербурге в середине 1740-х годов.

⁵² «Записка». Л. 171 об.

⁵³ Там же. Л. 172.

⁵⁴ Там же. Л. 173.

⁵⁵ Письмо Екатерины Уильямсу от 6 сентября 1756 г. — Там же. Л. 121 об.

хочет завязнуть в болотах. «Войдете ли вы в Пруссию через Польшу?» — спросила великая княгиня. «Да, в зависимости от обстоятельств». «Следовательно, Вы считаете, что прусский король будет ожидать, когда Вы начнете кампанию? Но к Вашему приходу все уже может закончиться, и Вам придется вернуться, не встретившись с противником». «Вы считаете, — отвечал Апраксин, — что он договорится с Австрией и Саксонией, чтобы броситься на нас, когда мы останемся одни?» «Ни в коем случае, поскольку прусский король не собирается воевать с нами», — ответила Екатерина. Апраксин, которому это замечание понравилось, сказал, что его полки находятся в Курляндии и продолжают продвигаться к границе, но не располагают достаточным количеством провианта для продолжения кампании (этот разговор, записанный ею собственноручно, она также направила Уильямсу)⁵⁶.

В середине октября, когда с императрицей случился очередной приступ болезни, Екатерина писала Уильямсу: «Апраксин велел спросить у меня, приказываю ли я ему ехать или остаться при нынешних обстоятельствах (речь шла о его отъезде в армию). Он отложит или поторопит свой отъезд сообразно с моими приказаниями. Я велела ответить ему, что... я бы сильно желала, чтобы он остался тем или иным способом, что это послужит для меня знаком привязанности» (письмо от 17 октября)⁵⁷. Ответ Уильямса, данный на следующий день, показывает, на наш взгляд, за что великая княгиня ценила его советы: «Предложение Апраксина уехать или остаться сообразно с Вашими приказаниями — один только простой комплимент; Вы уже знали, что русские войска не должны перейти границу в нынешнем году»⁵⁸.

КАТАСТРОФА

Однако если Бестужеву удавалось совмещать свою политику в отношении Австрии со взглядами великой княгини, то в вопросе о переговорах с французами все обстояло с точностью до наоборот. Канцлера полностью переиграла «партия» Шуваловых, в которую входил его старший брат. Маккензи Дуглас, вновь появившийся в Петербурге 20 апреля 1756 г., уже в начале мая был представлен Воронцовым императрице. 4 июня Конференция при высочайшем дворе приняла решение о восстановлении дипломатических отношений с Францией. Когда Воронцов явился к Бестужеву и предложил ему принять верительные грамоты от Дугласа, тот вручил озадаченному канцлеру 22 письма — переписку, которая велась за его спиной с версальским двором.

В 20-х числах сентября в связи с действиями Фридриха в Саксонии Эстергази и Дуглас совместно посетили Бестужева и сделали официальное предложение русскому правительству присоединиться к Версальскому договору. Такой поворот событий крайне обеспокоил Уильямса, поскольку Бестужев, несмотря на заверения, которые он давал послу, сам был вынужден принимать участие в переговорах с французами. Более того, понимая, что появление французского посла в Петербурге может обернуться его падением, канцлер начал искать возможность наладить отношения с кланом Шуваловых.

Уильямс, понимавший, что ему предстояло стать одной из первых жертв русско-французского сближения, вынужден был оставаться не просто зрителем, но и объектом резких нападок со стороны французских дипломатов. В начале октября Дуглас передал на рассмотрение Конференции письмо госсекретаря по иностранным делам А.Л. Руйе от 4 сентября (его копию Екатерина передала Уильямсу), в котором Уильямс обвинялся в распространении слухов, искажающих содержание французской политики. «Этот беспокойный дипломат разозлен падением своего влияния и пытается восстановить его огромными суммами, которыми он располагает... Отзыв посла стал бы заслуженным наказанием за его поведение, но это не оправдает Вестминстерского договора,

⁵⁶ Там же. Л. 203 об.—204 об.

⁵⁷ Там же. Л. 239 об.; Переписка великой княгини... С. 210.

⁵⁸ «Записка». Л. 215.

заклученного королем Англии, его министрами, а не послом в России. Императрица должна открытыми глазами взглянуть на политику Англии»⁵⁹.

Письмо Руйе стало предвестником катастрофы, но Уильямс этого не почувствовал. Вечером в воскресенье 27 октября он отправился на встречу к вице-канцлеру. Визит устраивал Р.И. Воронцов с ведома, как выяснилось позже, Шуваловых. Однако, приехав к дому вице-канцлера, Уильямс увидел у подъезда карету императрицы и хотел было развернуться обратно, но его остановили и пригласили войти. В приемном зале его уже ожидали Елизавета Петровна и ее фаворит И.И. Шувалов. Воронцов появился ненадолго; вскоре он ушел в кабинет, сославшись на недомогание.

Императрица встретила Уильямса приветливо. В ходе часовой беседы, которая продолжалась и за ужином, он откровенно изложил свой взгляд на складывающуюся ситуацию. Дипломат повторил императрице то, что ранее говорил Воронцову о «джентльменском поведении» Фридриха II в Саксонии, военном гении прусского короля, поставившего под ружье 200 тыс. солдат и, наконец, изложил аргументы в пользу англо-русского посредничества между Австрией и Пруссией с целью предотвращения европейской войны. При этом Уильямс упомянул о том, что Австрия не способна противостоять прусской армии и, скорее всего, заключит с Пруссией сепаратный мир, оставив Россию один на один с последней.

Уильямс остался очень доволен своей беседой с императрицей. В отчете лорду Холдернессу, направленном утром следующего дня, он упомянул о том, что рассказывал анекдоты, смешил Елизавету Петровну и Шувалова. Особо подчеркнул, что императрица оценила изложенные им доводы (*mes arguments etaient assez goûtés*)⁶⁰.

В понедельник 28 октября Уильямс на отдельной встрече с М.И. Воронцовым детально обсудил английские идеи посредничества. Посол был так доволен беседой, что в тот же день писал Митчеллу в Берлин: «Король [Пруссии] может быть уверен, что Бестужев не получит больше ни су, если не начнет активно нам содействовать».

1 ноября во время встречи с Уильямсом вице-канцлер просил посла изложить на бумаге свои доводы в пользу идеи посредничества, «не смягчая углов», обещая передать этот документ императрице. От Воронцова Уильямс побежал к Бестужеву, спеша предупредить его о своих успехах. Бестужев, как отмечала впоследствии великая княгиня, был не в курсе происходившего.

Тем не менее Уильямс решил, что дело сделано, идея посредничества принята императрицей. В письмах тех дней к великой княгине он опровергал как необоснованные слухи о скором присоединении России к Версальскому договору, хотя Бестужев своевременно уведомил Екатерину, что все решения на этот счет приняты. В письме от 1 ноября информацию Бестужева о предстоявшем присоединении России к Версальскому договору Уильямс назвал фальшивкой. Ни в чем не доверяя канцлеру, он перешел к более широким обобщениям, говоря, что «его бросает в дрожь при мысли о судьбе страны, в которой ей когда-то будет суждено царствовать». Россия нуждается в реформах, заявлял он и напоминал, что будет готов приехать и помочь в первый год ее царствования⁶¹. Авторы «Записки» совершенно обоснованно отметили, что болезненное состояние, в котором находился Уильямс, было усугублено его «чрезмерным тщеславием и политическим легкомыслием»⁶².

Фантазии Уильямса произвели тяжелое впечатление на Екатерину. В ее ответе от 2 ноября отчетливо звучат иронические нотки, которые, очевидно, должны были вернуть посла к реальности. Поблагодарив сэра Чарльза за готовность помочь с реформами в России, Екатерина посоветовала ему поменьше болтать о политике с кем попало. Когда на следующий день после беседы Уильямса с императрицей она спросила у Бестужева,

⁵⁹ Там же. Л. 227–227 об.

⁶⁰ Там же. Л. 277–279.

⁶¹ Там же. Л. 285 об.

⁶² Там же. Л. 286.

что имел в виду сэр Чарльз, говоря о наметившихся изменениях в российском подходе к посредничеству, тот «не знал, что ответить». Миротворческие усилия посла в окружении Елизаветы Петровны расценили, по мнению Екатерины, как лишнее свидетельство того, что прусский король боится России, — послу «надо было дать идти этому делу своим ходом». Тем не менее Уильямс продолжал пребывать во власти иллюзий. В послании лорду Холдернессу, написанном в тот же день, что и письмо Екатерины, он сам подтвердил обвинение, которое будет выдвинуто против него позже, рассказав, что обещал Воронцову написать «командующему прусской армией приостановить продвижение к русской границе»⁶³.

Пытаясь разобраться в причинах несчастий, постигших Уильямса, его английский биограф справедливо отмечает, что, вызывая посла на откровенность, «императрица хотела сама убедиться, как далеко Уильямс зайдет, выступая в роли адвоката прусского короля». В еще более опасное положение поставил его Шувалов, спровоцировав разговор о посредничестве. Но Уильямс не понял сути случившегося даже после того, как Екатерина прямо написала ему 4 ноября о том, что императрица публично осуждает его поведение, называя «пруссакom» и обвиняя в слишком ревностном отстаивании прусских интересов⁶⁴.

К реальности Уильямса вернула только полученная им в конце ноября официальная нота Коллегии иностранных дел, содержавшая ответ на его предложение. В ней в сильных выражениях, которые позволял дипломатический протокол, выражалось недоумение в связи с тем, что, получив отрицательный ответ на свои первые предложения совместного посредничества, Уильямс не только повторил их вновь, но и пытался склонить Россию к их принятию, угрожая нападением Пруссии⁶⁵. Удар оказался тем более чувствительным, что текст ноты с еще более жесткими комментариями был разослан в виде циркуляра дипломатическим представителям России за границей.

Убежденный в том, что русское правительство вскоре потребует его отъезда, Уильямс решил упредить события и сам запросился домой, сославшись на болезнь. Это не было преувеличением: после унижительного по форме отказа принять идею посредничества посол не покидал своего дома и, как он отмечал в одной из депеш, «почти не мог писать и читать». Однако Уильямс не был бы самим собой, если бы по привычке не свалил вину за свои несчастья на Бестужева, который, по его словам, настраивал императрицу против него. Естественно, последовало новое охлаждение, почти разрыв с канцлером. Екатерина в письме от 7 ноября передала ему, что Бестужев начал открыто называть его своим врагом. Накал страстей с обеих сторон был столь силен, что Екатерина впервые призналась в неспособности примирить посла и канцлера. У Уильямса начинаются головные боли, лихорадка. Лежа в постели, он продиктовал очередные письма великой княгине: Бестужев победил, гетман [К.Г. Разумовский] будет выслан, он, Уильямс, не понят императрицей, Понятовскому позволят остаться в Петербурге лишь на короткое время. Встречаться с ним в частном порядке будет затруднительно. И вывод: «Честь и безопасность великой княгини требует разрыва с канцлером»⁶⁶.

В середине ноября Екатерина, стремясь сохранить рычаги воздействия на ситуацию, развернулась в сторону Шуваловых. Она составляет записку Ивану Шувалову, которую назвала «началом Вестфальского мира». На встрече с Екатериной Шувалов не скрывает радости, клянется в верности, кладет поклоны перед иконами. Бестужев, чуткий к изменениям конъюнктуры, развивает невиданную активность в вопросе о возвращении Понятовского. Однако контакты с Шуваловым лишь подтвердили их принципиальные

⁶³ Horn D.C. Op. cit. P. 18.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ Нота КИД от 23 ноября приложена к депеше Уильямса лорду Холдернессу от 1 декабря 1756 г. — Ibid. P. 19.

⁶⁶ «Записка». Л. 311.

расхождения с «малым двором». Во втором письме Шувалову Екатерина, пытаясь найти хоть какие-то точки соприкосновения, просила его «препятствовать установлению отношений с учредителями мод», многозначительно заметив: «Я знаю бесконечно больше, чем могу говорить». А когда Иван Шувалов через Кирилла Разумовского все же просил великую княгиню поддержать курс на сближение с Францией, ответила, что великий князь никогда не примет эту систему и никогда не простит тех, кто попытается заставить его это сделать». Эту же позицию Екатерина подтвердила в письме Уильямсу от 9 декабря («Я всегда выступала за английский союз и против союза с Францией») ⁶⁷.

Это единственное послание от Екатерины, текст которого Уильямс направил в Лондон по официальным каналам. Подлинность письма вызывает сомнения, хотя авторы «Записки» ее признавали. Оригинал отсутствует, копия хранится в архиве Форин Офис. В «Записке» не исключается, что Уильямс опустил из него все, что не отвечало его интересам. Возможно, посол пошел на это в условиях министерского кризиса, происходившего в те дни в Великобритании. Из правительства ушел Фокс, лидером оппозиции стал Уильям Питт, но Холдернесс после некоторых треволнений сохранил свой пост. Складывается впечатление, что Уильямс, находившийся на грани нервного срыва, решил подкрепить свою пошатнувшуюся репутацию благоприятными для Англии высказываниями великой княгини.

После 11 декабря, когда на очередном заседании Конференции в присутствии императрицы и великого князя было принято решение о присоединении к Версальскому договору, положение Уильямса в Петербурге становится невыносимым. Он удалился на загородную дачу Вольфа, где и оставался до приезда Понятовского 24 декабря 1756 г.

(окончание следует)

Библиография

Акимова Т.И. Проблемы просвещенного правления в письмах Великой княгини Екатерины Алексеевны к английскому послу Ч. Уильямсу // *Cultural Studies. Letters in Literature and Culture*, V. Daugavpils, 2013. P. 37–44.

Архангельский Д. Переписка Великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Хенбери Уильямса как исторический памятник // *Русская старина*. Кн. XI. 1910. С. 333–348.

Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Т. 1. Берлин, 1900.

Бильбасов В.А. Первые политические письма Екатерины II. СПб., 1887.

Горяинов С.М. Станислав-Август Понятовский и Екатерина II // *Вестник Европы*. 1908. Кн. 1–3.

Елисеева О.И. Молодая Екатерина. М., 2010.

Константинова З.С. Ч.Г. Уильямс и Россия // *Новый век*. 2005. № 4. С. 12–25.

Крючкова М.А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009.

Лабутина Т.Л. Британские дипломаты и Екатерина II. Диалог и противостояние. М., 2019.

Лабутина Т.Л. Британский посол Чарльз Уильямс и его секретная переписка с Великой княгиней Екатериной Алексеевной // *Новая и новейшая история*. 2014. № 4. С. 161–174.

Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны с английским послом Чарльзом Хенбери-Уильямсом / Под ред. С.М. Горяинова. СПб., 1909.

Понятовский С.-А. Мемуары. М., 1995.

Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002.

Тоесева А.В. Чарльз Хенбери Уильямс – воспитатель английского вкуса русской императрицы // *Английский вкус императрицы. Царское Село Екатерины Великой*. СПб., 2019. С. 19–31.

Черкасов П.П. Елизавета Петровна и Людовик XV: русско-французские отношения. 1741–1762. М., 2010.

Чечулин Н.Д. Царствование Екатерины II // *Государи дома Романовых*. Т. 2. М., 1913.

Boutaric E. Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier, etc. Paris, 1866.

Broglie A. de. Le Secret de Roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatique, 1752–1774. Vol. 1. Paris, 1878.

⁶⁷ Там же. Л. 335, 337, 342.

Butterwick-Pawikowsky R. Poland's Last King and English Culture: Stanislaw August Poniatowski, 1732–1798. London, 1998.

Butterwick-Pawlikowski R. "In the Greatest Wildness of my Youth": Sir Charles Hanbury Williams and Mid-Eighteenth-Century Libertinism // *Journal for Eighteenth Century Studies*. 2017. Vol. 41 (1). P. 3–23.

Correspondence of Catherine the Great when Grand-Duchess, with Sir Hanbury-Williams and Letters from Count Poniatowski. London, 1928.

Cox W. An Historical Tour of Monmouthshire. Vol. 2. London, 1782.

Flassan de Raxis G. de. Histoire de la diplomatie française. Vol. 1–6. Paris, 1809.

Hanbury-Williams J. The Emperor Nicholas II, as I Knew Him. London, 1922.

Hermann E. Geschichte des Russischen Staats. Hamburg, 1853.

Horn D.C. Sir Charles Hanbury Williams and European diplomacy (1748–58). London, 1930.

Raumer F. von. Friedrich II und seine Zeit (1740–69). Leipzig, 1836.

The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II of Russia. 1762–1765. London, 1902.

References

Akimova T.I. Problemy prosveshchennogo pravleniia v pis'makh Velikoi kniagini Ekateriny Alekseevny k angliiskomu poslu Ch. Uil'iamsu [Problems of enlightened government in the letters of Grand Duchess Catherine Alekseevna to the English Ambassador Ch. Williams] // *Cultural Studies. Letters in Literature and Culture*, V. Daugavpils, 2013. P. 37–44. (In Russ.)

Arkhangel'skii D. Perepiska Velikoi kniagini Ekateriny Alekseevny i angliiskogo posla sera Charl'za Khenbiuri Uil'iamsa kak istoricheskii pamiatnik [Correspondence of Grand Duchess Catherine Alekseevna and the English Ambassador Sir Charles Henbury Williams as a historical monument] // *Russkaia starina* [Russian Antiquity]. Kn. XI. 1910. P. 333–348. (In Russ.)

Bil'basov V.A. Istoriia Ekateriny II [History of Catherine II]. T. 1. Berlin, 1900. (In Russ.)

Bil'basov V.A. Pervye politicheskie pis'ma Ekateriny II [The First Political Letters of Catherine II]. Sankt-Peterburg, 1887. (In Russ.)

Chechulin N.D. Tsarstvovanie Ekateriny II [The reign of Catherine II] // *Gosudari doma Romanovykh* [The Sovereigns of the House of Romanov]. T. 2. Moskva, 1913. (In Russ.)

Cherkasov P.P. Elizaveta Petrovna i Liudovik XV: russko-frantsuzskie otnosheniia. 1741–1762 [Elizaveta Petrovna and Louis XV: Russian-French Relations. 1741–1762]. Moskva, 2010.

Eliseeva O.I. Molodaia Ekaterina [Young Catherine]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Goriainov S.M. Stanisław-August Poniatowski i Ekaterina II [Stanisław-August Poniatowski and Catherine II] // *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. 1908. Kn. 1–3. (In Russ.)

Konstantinova Z.S. Ch.G. Uil'iams i Rossiia [H. G. Williams and Russia] // *Novyi vek* [the New Century]. 2005. № 4. P. 12–25. (In Russ.)

Kriuchkova M.A. Memuary Ekateriny II i ikh vremia [Memoirs of Catherine II and their time]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Labutina T.L. Britanskii diplomaty i Ekaterina II. Dialog i protivostoianie [British Diplomats and Catherine II. Dialogue and Confrontation]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Labutina T.L. Britanskii posol Charles Williams i ego sekretnaia perepiska s Velikoi kniaginei Ekaterinoi Alekseevnoi [British Ambassador Charles Williams and his secret correspondence with Grand Duchess Ekaterina Alekseevna] // *Novaia i noveishaia istoriia* [Modern and Contemporary History]. 2014. № 4. S. 161–174. (In Russ.)

Perepiska velikoi kniagini Yekateriny Alekseevny s angliiskim poslom Charl'zom Khenburi-Vil'iamsom / Pod red. S.M. Goriainova [Correspondence of the Grand Duchess Catherine Alekseevna with the English Ambassador Charles Hanbury-Williams / Ed. S.M. Goryainov]. Sankt-Peterburg, 1909. (In Russ.)

Poniatowski S.-A. Memuary [Memoirs]. Moskva, 1995. (In Russ.)

Stegnii P.V. Razdely Pol'shi i diplomatiia Yekateriny II [Partitions of Poland and diplomacy of Catherine II]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Toyeseva A.V. Charles Hanbury Williams – the Teacher of Russian Empress' English Taste // *English Tastes of the Empress. Catherine the Great's Tsarskoye Selo*. (In Russ.)

Boutaric E. Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier, etc. Paris, 1866.

Broglie A. de. Le Secret de Roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatique, 1752–1774. Vol. 1. Paris, 1878.

Butterwick-Pawikowsky R. Poland's Last King and English Culture: Stanislaw August Poniatowski, 1732–1798. London, 1998.

Butterwick-Pawlikowski R. "In the Greatest Wildness of my Youth": Sir Charles Hanbury Williams and Mid-Eighteenth-Century Libertinism // *Journal for Eighteenth-Century Studies*. 2017. Vol. 41 (1). P. 3–23.

Correspondence of Catherine the Great when Grand-Duchess, with Sir Hanbury-Williams and Letters from Count Poniatowski. London, 1928.

Cox W. An Historical Tour of Monmouthshire. Vol. 2. London, 1782.

Flassan de Raxis G. de. Histoire de la diplomatie française. Vol. 1–6. Paris, 1809.

Hanbury-Williams J. The Emperor Nicholas II, as I Knew Him. London, 1922.

Hermann E. Geschichte des Russischen Staats, Hamburg, 1853.

Horn D.C. Sir Charles Hanbury Williams and European diplomacy (1748–58). London, 1930.

Raumer F. von. Friedrich II und seine Zeit (1740–69). Leipzig, 1836.

The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II of Russia. 1762–1765. London, 1902.